

Аков Чалъгуев

ДИНО

АГЕСТАНА

С Т И Х И

И

П О Э М Ы

ЯКОВ ИЛЪЯГУЕВ

СЫНЫ ДАГЕСТАНА

ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Махачкала 1994

Посвящаю землякам-дагестанцам,
однополчанам в годы ВОВ 1941—
1945 г.г.

В книгу «Сыны Дагестапа» татского поэта Якова Ильягуева на русском языке вошли стихи и небольшие поэмы, которые были написаны в послевоенные годы.

Он, как участник войны, рассказывает о мужестве и храбрости наших солдат и офицеров, а также о горской жизни наших военнопленных в немецких лагерях.

В стихах и поэмах он рассказывает, как наши дагестанцы организовали побег из фашистского лагеря, присоединившись к партизанам—антифашистам в далекой и древней Элладе.

В сборник вошли также стихи и поэмы о жизни татского народа.

Автор приносит глубокую благодарность за оказание финансовой помощи в издании книги: частному предприятию «Элмонт», фабрике «Салют», комбанку «Избербаш».

Я. Ильягуев. «Сыны Дагестана». — Махачкала: Редакционно-издательское предприятие Минпечати и информации РД. 1994. С.

И $\frac{470201202-01}{102 (03)-94}$ без объявл.

© Я. ИЛЬЯГУЕВ

Я поэт, рожденный народом,
и оружие у меня, отточенное
народом. И библиотекой моей
был народ. У народа брат,
народу возвращал.

Гамзат Цадаса.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

У татского поэта Якова Ильягуева немного опубликованных книг. Лирический сборник «Сыны Дагестана» он издает на русском языке впервые. До этого у него появлялись три сборника стихов и поэм на родном языке и сразу же были тепло приняты почитателями его таланта за мужественность, безоглядную искренность, но более всего за то, что поэт всегда самовыражался по-новому в татской литературе и во всем оставался самим собой.

Яков Ильягуев родился в 1916 году в селении Мюшгур (ныне Нюгди) в бедной батрацкой семье. Отец будущего поэта умер слишком рано от тяжелой изнурительной работы, оставив на попечении жены трех несовершеннолетних детей. Яков был самым младшим из братьев, и уже в мальчишеские годы познал он всю горечь сиротской жизни.

В 1918 году Яков Ильягуев в двухлетнем возрасте со всей семьей переехал из родного Мюшгура в древний город Дербент, что расположен в 20-ти километрах от этого селения. Здесь его мать стала работать по найму на огородах и виноградных плантациях в течение десяти лет. В это суровое время, то есть в 1928 году, в районе Дербента организовывались коллективные хозяйства, и эта хрупкая женщина стала трудиться на виноградниках наравне с мужчинами ради того, чтобы хоть сносно прокормить сыновей и дать им кое-какое образование.

В 1932 году Яков Ильягуев окончил семилетнюю школу и поступил в Дербентское педучилище, но со второго курса он пошел учиться в Совпартшколу, по окончании которой райком комсомола направил его в колхоз массовиком и преподавателем грамматики татского языка.

В 1937—1938 годы Яков Ильягуев работает заведующим сельскохозяйственным отделом редакции татской газеты республиканского значения «Захметкеш» («Труженик») и проявил себя с хорошей стороны и как руководитель, и как корреспондент.

Свои пробные стихи Яков Ильягуев начал писать еще в юные годы, но его первое стихотворение «Май в двух государствах» было опубликовано в 1933 году в газете «Захметкеш» и это позволило ему стать внештатным корреспондентом данной газеты и принять активное участие в молодом литературном кружке, где начинающий поэт ближе познакомился с татскими поэтами Данилом Атиловым (Дербентским), Хизгилом Авшалумовым, Миши Бахшневым, Сейлюмом Изиловым и с другими прозаиками и драматургами.

В формировании поэтических навыков Якова Ильягуева, по его словам, особое влияние проявили поэты Борис Гаврилов и Хизгил Авшалумов, который в прошлом был односельчанином Якова. Они учили Ильягуева родному языку, показывали, где у него сильные рифмы, а где — слабые, рассказывали, как следует писать настоящие стихи, созвучные с жизнью и временем. Но их крепкая дружба была неожиданно прервана.

22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно напала на нашу страну. Яков Ильягуев с первых дней войны принял в ней непосредственное участие и вскоре вместе с тысячами офицеров и солдат Красной Армии оказался во вражеском плену, где ему довелось испытать всю тяжесть и жестокость концентрационных лагерей.

В конце 1943 года Яков Ильягуев с другими советскими военнопленными был отправлен в душных закрытых вагонах в далекую от родины Грецию, а оттуда — на полуостров Пелопоннес. Там он встретился со своими земляками-дагестанцами — тремя лезгинами и тремя даргинцами и через несколько дней, договорившись с ними, совершил дерзкий побег.

Вскоре все семеро дагестанцев, утопая по колено в снегу, повстречались с отважными греческими партизанами-антифашистами ЭЛАС, что означает Греческая Народная Освободительная Армия и, влившись в их ряды, с февраля 1944 года по май 1945 года приняли активное участие в борьбе с фашизмом.

Об этом периоде жизни и вообще о Великой Отечественной войне Яковом Ильягуевым написан ряд стихотворений, сонетов и поэм. Среди них особенно выделяются поэма из сонетов «Сыны Дагестана» и стихотворение «Партизанское залонго», в котором есть такие звучные строфы:

Там, где контуры антики вписаны в горы.
В легендарной Элладе, среди храбрецов
Видел я, как плясали и лихо, и гордо
Перед боем они — это танец борцов,
Это танец, героев — залонго!...

Если снова прольются кровавые реки,
Если кто-то взвести пожелает курок, —
Элас! — клич партизан не умолкнет вовеки.
И услышит планета победы залог —
Ритмы танца героев — залонго!

После войны Яков Ильягуев возвращается в город Дербент, откуда ушел на фронт, но в 1948 году по некоторым обстоятельствам он переезжает в город Избербаш. С этого времени вся его трудовая и творческая деятельность тесным образом связана с этим красивым приморским городом. Именно здесь замечательный татский поэт создавал и создает свои интернациональные стихи, как например: «Мой край», «Наша дружба», «Дочь дербентская», «День Победы», «В годы войны», «Гавриилу Илизарову» и многие другие, которые были напечатаны как на родном татском языке, так и на русском в журналах «Дагестан литературный», «Наша Родина» и газетах «Дагестанская правда», «Избербашский рабочий» и «Ватан», которая раньше называлась «Захметкеш».

Немаловажную роль в творчестве Якова Ильягуева занимают малые и широкоформатные поэмы «Сыны Дагестана», «Давид-Кала», которая создана на основе легендарного татского сказания, и «Сулейман Стальский», воспевающая судьбу великого лезгинского поэта, его совесть и честь. В этой небольшой поэме есть такие весомые строки, которыми уместно завершить эту статью о жизни и творчестве татского поэта Якова Ильягуева, которое имеет свое продолжение:

История верно поступки рассудит
И всем по заслугам воздаст.
Но знаю одно — никакая природа
Из грязи талант не создаст.

Лазарь АМИРОВ,
поэт, переводчик, публицист.

ДАГЕСТАН

Многоязыковая страна,
Гостеприимная Отчизна,
Хребтами гор окружена,
Омыта шелком волн капризных.

Ты издревне влекла гостей,
Встречая путников почетом,
И дружбы не было тесней
Рожденной в девственных высотах.

Всегда достойной мира будь,
Разноязыкая Отчизна,
Адаты предков не забудь,
Друзей не помни укоризны.

И чтя отвагу Шамиля,
Считай вражду и месть ненужной.
Многоязыкая земля,
Гордись, как святостью, лишь дружбой.

КАВКАЗ

Я видел Карпаты,
Урал и Тебет,
Везде находил
Чем дивиться,
Но все-таки рад я,
Что мне довелось
На древнем Кавказе
Родиться.

У горцев с младенчества
Ценится честь
И мудрость адатов
хранится.
А если на свете где
Верность и есть,
То здесь довелось
Ей родиться.

Пусть дружбе не станут
Границей хребты,
Пусть ласкою
Море лоснится,
Пусть люди возводят
Лишь дружбы мосты,
Кому повезло
Здесь родиться.

НАШ ОБЩИЙ ДОМ

Бывал я в дальних
Странах много раз,
Разноязыких
Видел я людей.
Но только здесь
Так много разных нас
Семьей живет
В республике моей.

Уж так веками
Складывался быт,
Что главным в жизни
Горца был адат.
Неписанный закон
Народ хранит,
В котором горец горцу —
Друг и брат.

Когда в любых
Решеньях и делах
И честь, и совесть —
Главный постулат,
Всегда с почтеньем,
Не даст соврать Аллах,
К седому старцу,
Младшему — как брат.

В горах несчастье —
Общая беда,
Горячий спор
Всегда венчает мир.
И если дружба —
Только навсегда,
И если свадьба —
Тоже общий пир,

Пусть на Кавказе
Будет так всегда,
Чтоб дружба
Не сменилась здесь враждой,
Чтобы не знали войн
Здесь никогда
И жили
Под счастливою звездой.

НАША ДРУЖБА

С давних пор повелось в Дагестане:
Все живущие здесь — кунаки
Если худо кому-нибудь станет —
Друг не спрячет за спину руки.

Здесь всегда уважались адаты,
Аксакалы имели почет,
Весть о доблести птицой крылатой
Облетала мой горный народ.

И по горным хребтам в одночасье
Разносился призыв земляков,
Если миру грозило несчастье,
А земле — поруганье врагов.

Не таились джигиты по саклям,
На коня — и туда, где беда,
Дружба горцев — она не испякинет,
Как в источнике горном вода.

Мы народную мудрость поныне
Бережем, как обряд старины,
Только в сердце закрылось унынье,
Не спасла наша дружба страны.

МОЙ КРАЙ

Мои колыбельные годы!
Под низкою крышею дома
И милая сердцу природа,
Что просится в песню сама.

Посевы ковром зеленеют,
Арбузами пахнет бахча,
На солнце бока свои греет
Янтарная сплошь алыча.

У синагоги под вечер,
Как звездочки сумрак прожгут,
И в окнах засветятся свечи,
Мужчины беседы ведут.

О чем-то обычном и вечном,
О том, как их кормит земля,
О времени быстротечном,
О пастбищах и полях.

И так хорошо и спокойно
Душе в этой жизни простой,
Что хочется песней достойной,
Прославить аул свой родной.

ЧТО ЗА ВРЕМЯ?

О, Аллах, что за время такое?
Разногласий все больше в друзьях,
Не найти в нашем доме покоя,
Больше горечи стало в словах.

Мы забыли язык уваженья,
Понимание чьих-то забот:
В наших чувствах — сплошное скольжение,
И во взглядах — крутой поворот.

И обиженно ропщет природа
О загубленных реках, полях,
О нелепых раздорах народа
И убогих его королях.

Бездуховность по жизни — рекою,
Вековые смывает пути,
О, Аллах, что за время такое?
В чем опору сегодня найти?

РОССИЯ ЗОВЕТ

Крестьянин покинул родные места,
Давно не хозяин он в поле.
И ферма колхозная полупуста.
Все ищут себе лучшей доли.

Но где ее, светлую долю, найдешь?
Кругом запустенье и пьянство.
И как от людей тут беду отведешь
И спрячешь в какое пространство?

Мошенники все растащили теперь,
Что было добром всенародным.
Ничем не восполнит Россия потерь,
Ведь зло остается свободным.

Но люди Отчизны должны сохранить,
Не дать ей совсем разориться.
Мечты поколений нельзя схоронить.
Россия должна возродиться!

СОКРОВЕННОЕ

У народов Кавказа
Есть мудрость своя
В поговорках и сказках
Веками хранится,
И зерном золотым
В молодые поля
В молодое сознание
С надеждой ложится.

Но не всякий же век
Благодатен и свеж,
Не из всякого семени
Колос родится
Почему же так много
Сегодня невежд
В маски мудрости,
Совесь оставив рядиться?

Неизвестно, куда
Заведут свой народ
Увлекая его
За собой по нантию,
«Мудрецы»,
Смастерившие свой эшафот,
И опутав его,
Ариадновой нитью.

Как мне душу свою
На майдане открыть,
Чтобы каждый заблудший
К ней мог прикоснуться,
И как будто впервые
Свой мир полюбить,
Чтобы Родине
В черных цепях не проснуться.

ИСПОВЕДЬ ПЬЯНИЦЫ

Встал с похмелья —
Голова, как болванка медная,
Все заботы — трын-трава.
И супруга — вредная.
Все ворчит:
— Работа ждет,
А тебе бы спать да спать...
Я прикрикнул на нее
И пошел в кафе... поддать.
Думал, станет легче мне,
И начну работать.
Но ошибся. На завод —
Ой, как неохота.
Может, даст больничный лист
Врач, когда поохаяю?
Он сказал:
— Иди, проспись,
Симулянт гороховый...
Голова моя трещит.
Надо ж так надраться!
День — к концу,
До проходной
Хоть бы мне добраться...
Вот доплелся, наконец,
Но она закрытая.
Сторож буркнул:
— Уходи. Морда ты немытая!
На стене, гляжу, висит
Стенгазета новая,
В ней — портрет мой,
А под ним — критика суровая.
Ох, и плохо стало мне
От подобных «почестей»!
И поплелся я домой
В грустном одиночестве.

МОЙ ДЕРБЕНТ

С давних пор
Между каменных стен,
От подножья Кавказа
До самого моря,
Как Афинский Акрополь
Стоит мой Дербент —
Город, много веков
Знавший счастье и горе.

Помнят крепости камни
Набеги врагов,
В них, как оспины, ямки.
От стрел Надир-шаха.
Помнят улочки
Буйство торговых рядов
И седую, как вечность,
Папаху Кавказа.

Мой Дербент!
Твоя слава — как звонкий родник.
Весь твой путь —
В песнях славных ашугов.
Ты как будто из моря
Из камня возник
И дарами ты щедро
Одаривал друга.

Среди здешних красавиц
Нашел Низами
Свою нежную,
Верную сердцем подругу.
А Шоул Симанду
Обращался в стихах
К минарету его,
Словно к лучшему другу.

Мог Хизгия Эмин
Петь в стенах твоих
Много дней напролет
В чайхане разнолюлкой.
И теперь мне отрадно,
Что скромный мой стих
Отголоском звучит
В общей песне великой.

ДОЧЬ ДЕРБЕНТСКАЯ

Если любишь ты меня
То откройся, не таись,
Стать невестою моей
Поскорее согласишься.

Все красавицы вокруг
Пред тобой бледнеют
Я давно твой верный друг.
Нет тебя милее.

Ты, как розочка весной,
С родинкой кокетливой,
Я прошу тебя, со мной
Будь всегда приветливой.

Свадьба пропоет зурной
О любви вселенской
Все узнают: мне женой
Стала дочь
дербентская.

МОЕЙ МАТЕРИ

К 100-летию со дня ее рождения

Красивая Истир —
Тебя все называли.
Но разве ты
Счастливою была?
Глаза прекрасные
В слезах печали,
И седина
Прическу замела.
Отец ушел из жизни
Слишком рано,
Тебя с детьми

Оставив горевать.
В твоей душе
Навек осталась рана
От мысли,
Как детей одной поднять.
И ты растила нас,
Была опорой,
И согревала нас
Своей мечтой,

О том, что скоро мы,
Окончив школу,
Умчимся в мир,
Что за горой крутой.
Мы выросли.
И разбрелись из дома.
И были счастливы
Своей судьбой.
Но не забыть
В глазах твоих истома
В лучах заката
В дымке голубой.

ДАЛЕКО ОТ РОДИНЫ

Я не был птицей, и взлететь не мог
Но по случайности, остался жив тогда,
И не виновен в том я — видит бог —
Что был в неволе в юные года!
С родимым домом разлучен войною,
Еще одно я горе испытал,
Когда мой век итожили строкою.
Как залп, сухой и краткий: «Без вести пропал».
В тот год меня терзал один вопрос:
«Как там моя семья, родня, народ?»
...В Дербенте исходила мать от слез,
На запад глядя ночи напролет,
Бежал из плена, попадался вновь...
Но все же обрести свободу смог!...
Врагу несчадно мстил я: кровь за кровь! —
На перекрестках пламенных дорог.
Однажды я подстреленному гаду
Засунул в пасть его записку гордо:
«Убит убийца на земле Эллады
Бойцом советским — дагестанским горцем!»
...Теперь порой, когда над миром ночь нависнет,
Вдруг слышу крик я в сновиденье черном, —
Не столько страшный, сколько ненавистный:
«Тебя, еврей, мы на рассвете, вздернем!»
Врага мы, как гадюку раздавили,
Но до сих пор за сердце я хватаюсь, —
Да, милосердны мы, но кто же в силе
Фашизм простить?!
Такое не прощают...

В ГОДЫ ВОЙНЫ

Лучом, словно посохом, путь проверяя,
Проходит над летом слепая луна.
И звезды, как слезы, — от края до края...
Душа моя светлой печали полна.
Когда-то я был партизаном в Элладе
И так же вслепую ходил по лесам
В чужой гимнастерке, рука — на прикладе,
Готовой при случае бить по врагам.
В оврагах, на тропах, в засадах, в пикетах
Стоял, чтоб фашисты пройти не смогли,
Я мстил им, громя их, бандитов отпетых,
За боль и страданье рыдавшей земли.
Как часто от голода были бессильны,
Но нам ли пред мощью врага отступить!
Мы верную службу и там, на чужбине,
Несли тебе праведно, Родина — мать!
Я всю свою жизнь вспоминаю об этом,
О чем я не вправе молчать.
Но надо родиться великим поэтом
Чтоб это достойно суметь описать...

СОЛДАТ—РАДИСТ

Шел бой под Ровно,
И радист, теряя связь, кричал,
Но вдруг увидел: вражий танк
На высоту вползал.

Он, бросив рацию,
Схватил гранаты — и к нему
Два взрыва сделали свое,
Предавши танк огню.

Но и в радиста враг стрелял,
Был в ногу ранен он.
Хоть кровь текла, он в лес ушел,
Упал там, чувств лишен.

Искал радиста командир,
Когда был кончен бой,
Увидел рацию и танк...
Сказал: «Радист — герой!»

Нашел солдата старичок,
Давно он жил в лесу,
И парня осмотрев, сказал:
«Держись, солдат, спасу».

Втащил радиста в «бункер» свой,
Перевязал, умыл.
Потом отварами из трав
Его старик поил.

Прошло дней десять с той поры,
И парень стал ходить,
Он думал, как ему уйти,
Чтоб в плен не угодить.

Обняв спасителя, радист
Простился и ушел.
Шагая лесом, он кухню
Немецкую нашел.

Глядит, оружие лежит,
И никого вокруг,
Два немца плещутся в реке,
Еще подплыл к ним друг.

Взял автоматы их солдат,
Гранаты прихватил
И с криком радостным «Ура!»
Огонь по ним открыл.

Тут он увидел, что старик
Шел следом на свой страх
Они обнялись и вдвоем
Укрылись с ним в кустах.

Недолго немцев ждать пришлось,
Отряд их подкатил,
Тут автомат из-за кустов
По немцам застрочил.

Недолго длился этот бой.
Убило старика.
Опять стрельба... Гранаты взрыв...
И пуля у виска...

Когда он замертво упал
И ощутил покой,
Немецкий командир сказал:
«Он молод, но — герой!»

ПАРТИЗАНСКОЕ ТАНГО

Там где контуры антики вписаны в горы,
В легендарной Элладе среди храбрецов
Видел я, как плясали и лихо, и гордо
Перед боем они -- это танец борцов,
Это танец героев-залонго!

Спит Эгейское море, молчит до рассвета.
Мир у птицы навевали крыльями сны
И геронку складно свою нам поведали,
Будто бой предстоит им, танцуют они
В себе танец героев-залонго.

Прометей потомки вы духом -- из стали!
Завтра снова в сраженье -- и потому
Вы станцуете, как элины встарь танцевали!
Век назад он родился в огне и в дыму,
Этот танец героев-залонго.

Солдаты Элас в яростный бой увлекая
За собой остальных ополченцев всегда,
Шли за честь и свободу родимого края
И была ваша воля, как скалы тверда!...
Славен танец героев-залонго!

Только трус всю землю без боя уступит.
С незапамятных пор говорит наш народ:
«Кто на землю святую с оружием ступит,
От оружия сам же бесславно умрет!»
Славься, танец героев-залонго!

...Если снова польются кровавые реки,
Если кто-то взвести пожелает курок,
Элас! Клич партизан не умолкнет вовеки!
И услышит планета победы залог --
Ритмы танца героев-залонго!

НЕ ЗАБУДЕТСЯ!

Хотя пройдет еще сто лет,
Но не забудет сердце, нет,
Фашистских камер, лагерей,
Где жгли гестаповцы людей.
Как будто бы несчастья сон —
Мне лучше бы не снился он!
Был день и стало вдруг темно,
И сердцу слышится одно;
В гестапо прибыть на допрос.
Я много в жизни перенес,
Мне приказали, я иду,
То наяву или в бреду?
— Еврей ты... коммунист... иди...
Удар слова опередил,
Бессильно падаю ничком,
— Вставай!
Я встал. Удар кнутом,
— Повешен будешь ты, еврей...
И тело кнут сечет больней.
Мутнеет все в моих глазах,
Но в них лишь гнев, а не слеза.

Два немца этот спор вели
Как будто в тир развлекься шли,
Мишенью стали им сердца
Непобежденных до конца.
И, бросив жребий меж собой,
Решили спор закончить свой:
Кто бьет без промаха, чтоб в миг
Пленный человек поник?
Фашистам выбор — не гадать:
Один из нас шел умирать.
«Встать, марш вперед!»
Шаги считай,
Товарищ, гордо умирай!
И пленный, силы все собрав,

Вдруг крикнул, голову подняв:
«Проклятье, звери, вам!
Да здравствует Москва!...»
Он не успел, не досказал,
Сраженный пулею, упал...

Что видел я — мне не забыть,

К борьбе зови других людей
За счастье на земле моей.

1967 г.

НЕ СПИТСЯ ПАМЯТИ

Порой мне чудится в ночи
Печальный гомон птиц-ведений.
Мой пулемет сквозь лес строчит,
Кося со свастикой «мишени».
Мне крики разрывают грудь
Старушек, женщин и детишек.
А сердце бьется: «Не забудь!
Про смерть девчонок и мальчишек!»
Садизм фашистских палачей
Кровавый след оставил всюду.
Огонь и смрадный дым печей
Во веки люди не забудут.
Кто был и бел, и смугл лицом,
Секли, топтали сапогами...
Достоинство — не грязи ком,
Не растереть под каблуками.
Сличали кровь на нюх и цвет,
Ища приметы подозренья,
Но, кроме красной, крови нет.
Все люди одного рожденья.
Мы жили. Выжили в аду.
Вернули Родине свободу.
Сражались все в одном ряду
Сыны советского народа.
Но можно ль всех, по именам,
Невинных жертв войны припомнить?
Не отголоски ль стонов нам
Доносит ночью птичий гомон?
Кружат видениями в ночи,
То ль птицы, то ль лихие годы.
Пусть громче голос их звучит!
И будит память всех народов.

1977 г.

Хизгия Эмин (Дадашев) и Хизгия Д. Авшолумов.
г. Дербент — 1938 г.

СКАЗИТЕЛЬ ХИЗГИЯ ЭМИН

Птицы пели с лесных партитур,
Зацветали внезапно поля,
Когда в сакле селенья Мюшгур,
Родился татский сын Хизгия.

Время мчится быстрее коня,
Отвергая на судьбах свой путь.
Рос парнишка, и день ото дня
Красотой мог все больше блеснуть.

Пока дети носились в пыли
По задворкам аульских дорог,
Хизгия иной раз до зари
Слушать сказки, истории мог.

Рано в руки он взял старый саз,
Чтоб мелодию гор подобрать
Под какой-нибудь новый свой сказ,
Что спешил землякам рассказать.

Люди шли к нему, чтоб отдохнуть,
Под спокойную песнь Хизгня
Будто бы увлекательный путь
Совершали в чужие края.

Он их вел по морям и лесам
В недоступность пустынь и хребтов,
Чтоб взглянуть на таинственный храм —
Мир Природы, лишенный покров.

Увлекал в заколдованный сад,
Где волшебные птицы поют,
И красавиц восточный наряд
Из чего-то воздушного шьют.

В мир чудес не отыщешь дорог,
Здесь не каждого радости ждут:
Или сгинешь, шагнув на порог,
Иль на царский престол возведут.

Сотни сказок и разных былин
Знал ашуг Хизгня наизусть.
Как в колодце бездонном вода
Будут вечны и радость, и грусть.

Будет литься народный мотив
Из столетья в столетье ручьем,
И ашуг будет в памяти жив,
Пока мы его песни поем.

¹⁾ Мюшгур — сел. Ньюди Дербентского р-на.

²⁾ Саз — народный музыкальный инструмент.

ЗИМНИЕ НОЧИ В МЮШГУРЕ

В Мюшгуре — мои
Колыбельные дни;
Мне семьдесят пять,
Но все там же они.

Зимой весь мир окутан белизной,
И лес, и горы будто поседели.
И возвращаясь мысленно домой,
Прошу я небо усыпить метели.

И будто из-под купола небес,
Заливших землю мягким лунным светом,
Я пробираюсь сквозь уснувший лес
К селенью, затерявшемуся где-то.

Меня тропой, как старый проводник,
Ведет колючий, сухощавый месяц,
Просыпав блески в льющейся родник
И серебра вуаль в ветвях развесив.

Там, за деревьями, красив и величав,
Родной Мюшгур) — село в лесах Самура,
Где-то детство в теплой сакле по ночам
Мир за окном казался тучей хмурой.

В котором громоздились чудеса,
Легенды оживали и былины,
И непременно девица—краса
С улыбкой кроткой и косою длинной.

Она встречала стаи лебедей,
Которые слетались к ней на крышу
И обращались до утра в людей,
Чтобы их речь она могла услышать.

Они ей вести добрые несли
О жизни звезд, о царстве душ и света,
О том, как счастье лебеди спасли
Для нас, затерянных в потемках где-то.

И успокоившись счастливою судьбой,
Мы засыпали, позабыв тревогу.
Кто знал, мой друг, что время нас с тобою
Умчит навек из сакли той в дорогу.

¹⁾ Мюшгур—Нюгди — новое село, где обосновались таты с давних времен (5—6 веков тому назад) недалеко от Дербента (20—25 км).

ВЕСЕННИЙ КОСТЕР

Из тихих материнских сказов,
Что в сны баюкали меня,
Любил я слушать о проказах
В лесах крылатого коня.

Он прилетал на крыльях ночи,
Как на волшебных парусах,
Где след его касался кочек --
Сверкал звездой в небесах.

Конь, по преданью аксакалов,
Был вестник скорых перемен,
И если он скакал по скалам,
То жди весны зиме взамен.

И тут же изо всей округи
Таскала хворост детвора,
Чтобы под вечер, на досуге,
Взметнулись языки костра.

«Костер весны» был той приметой.
Что люди славили тепло
И щедрость будущего лета,
Чтоб больше им даров дало.

Чтобы несчастья миновали,
Болезни путь к ним не нашли,
И позабыли их печали —
В костре мяшгурцы лихо жгли.

Когда сгоревшие невзгоды
Все таяли, как в небе дым,
В тот час просили у природы
Любви и счастья молодым.

Девчата тихо ворковали,
Пока ребята, осмелев,
Невест в сторонку отзывали —
Горел костер, повеселев.

Все сокровенные беседы
Услышать мог весны костер,
И будто унося все беды,
Конь крылья в небо распростер.

КОСМОНАВТ ДАГЕСТАНА

Гордится маленький Кумух,
Гордится Дагестан
С тех пор, как достоверных слух
Дошел до разных стран
О том, что в космосе большом
К морям больших светил
Муса Манаров — наш зёмляк
Корабль свой устремил.
Отважных много сыновей
У матери—Земли,
Они от гор и до морей
Ей славу принесли.
И песня татская моя
Пусть славит на века
Союз науки и труда
И подвиг земляка.

МЕЧТЫ ПОЭТА

С утра беспокойство
терзает поэта:
Что будет с людьми,
со страной и планетой?

Сидит он у моря,
и глядя на запад.
Как-будто молитву
свершает о завтра.

А солнце, лениво
со дна поднимаясь,
Зажгло горизонт
цветом алого мая.

Лучи растеклись
по безбрежности лета,
Как будто ручьи,
из источника света.

Но что — красота,
когда сердцу тревожно,
Ведь в мире сегодняшнем
все стало сложно.

И волей-неволей
свой век вспоминай,
По векам событий
прошедших шагай.

Вот вместе с людьми
он киркой и лопатой
Прокладывая путь
в мир мечтаний крылатых.

Пахал целину,
утонув в бездорожье,
Гордился полями
со зреющей рожью.

Растил виноградные
хрупкие лозы,
Работал со всеми
и в зной, и в морозы...

Все были родными:
армяне, грузины,
Славяне, татары,
казахи, тувинцы...

На деле и дружба,
и мир у нас были,
Иначе в войне
мы бы не победили.

Чего же теперь
будто холод осенний
Пролег по границам
невидимой тенью?

Пролег по сердцам
поколения Отчизны,
Слепым отчуждением
от прожитой жизни,

От общих идей,
от отцовских заветов,
Чья жизнь стала
песней страны недопетой.

Так что ж мы,
недавно гордясь своим братством,
Сегодня должны,
как враги, передрасться?!

Но кто же кровавый
тот спор подытожит?
...Кто первым кинжал
в ножны мирные вложит.

ДЕДУШКА И ВНУК

(народное сказание)

Жил-был мужчина молодой,
Растил он виноград.
Имел жену и сыновей,
Но жизни был не рад.

Она тяжелою судьбой
У ног его легла,
И сколько не трудился он —
Достатка не дала.

Смерть уносила сыновей
В младенческих летах,
Но как не бился он,
Семья все ж не была сыта.

Поздней жена его сына
На радость родила,
Но, заболев, в расцвете лет,
Супруга умерла.

С бедой справлялся он как мог,
Работал день и ночь,
Бедняк ведь знал,
Что он один и некому помочь.

Летели годы. Вырос сын.
Пришел для свадьбы срок.
Отец был счастлив, что теперь
Не будет одинок.

Но не согрела дом сноха,
Бранила старика,
Все посылала, чтоб принес
Воды из родника,

Чтоб саклю мел и мыл полы,
Да внука няньчить мог.
Старик старался угодить,
Пока не занемог.

Лежал, с постели не вставал.
«Для всех наш тесен дом, —
Сноха сказала, — старика
Отсюда уберем».

За домом сделали навес
И бросили палас,
Где старый и больной отец
Стал ждать последний час.

Лежит он месяц, два и три,
Лежит и день, и ночь.
Внучок все думает о том,
Как бабушке помочь.

Однажды, взяв на кухне нож
И поточив слегка,
Он перерезал тот палас
На два больших куска.

Занес кусок паласа в дом,
У печки примостил.
«Ты что, — спросила мать, — сынок,
Подстилку притащил?»

« Да вот, готовлю вам постель», —
Сказал на это сын, —
Когда вы станете стареть,
Я буду жить один.

Вам под навесом постелю
Подстилочку одну,
А вместо вас в дом приведу
Красавицу жену».

Переглянулись мать с отцом,
Неловко стало им.
«Если подумать, нам совсем
Не тесно четвером», —

Сказала женщина,
Тотчас послав за стариком.
Свернула старенький палас
И вынесла тайком.

С тех пор живут они без ссор,
И сакля не мала,
Чтоб старость каждого в семье
Спокойная ждала.

НАС БЫЛО СЕМЕРО

Туманный день. Вагонов черный ряд.
Фигуры в касках стали полукружьем.
Стволы мокры, и нам в глаза глядят
Их дула угрожающе бездушно.
Как на душе и горько, и темно
И в каждом неизбывная тревога.
Всем не дает покоя лишь одно:
Куда же путь? Какая ждет дорога?
Крича, ругаясь, тыча дулом в спины,
Грузили нас в вагоны словно скот,
Нет горше, безотраднее картины,
Когда конвой плененного ведет,
Свисток. И паровоз пары пуская,
Увлеч вперед к неведомой судьбе,
Так ночь прошла, а утром ширь морская
Открылась взглядом. Родина, тебе
Пришлось проститься поневоле с нами.
Нас увозили к чуждым берегам,
Но мы остались верными сынами,
Как тяжело не приходилось нам,
О, Греция! Прекрасна, как всегда,
Переживая взлеты и паденья,
Такой орды не знала никогда,
Накрытая фашистской черной тенью
Земля легенд. Ясона, Одиссея,
Ваятелей, философов, богов.
И здесь фашисты смерть повсюду сеют
Пощады нет у бешеных врагов.
Мы в лагере средь гор, и боль острее,
Как вырваться из клетки, как уйти?
Как к партизанам греческим быстрее
Найти в горах кратчайшие пути?
И вот однажды... Ночь была безлунна.
Презрев неволею, вырвались на свет
Семь дагестанцев пламенных и юных.
Сердца стучат и счастьем меры нет.

Сыны Эллады! Помню встречу с вами.
Мы здесь друзей нашли. И с этих пор,
Укрытые лесистыми горами,
С врагом могли вести за правду спор.
Пусть мало спали, часто голодали,
Но меж ущелий горных не один
Фашист нашел свинцовые медали,
Чтобы уже не встать. Среди картин
Той партизанской давшей жизни нашей
Мне помнится как были мы дружны —
Семь дагестанцев, но тоской окрашен
Наш трудный путь. Мы Родине верны.
Там тоже бой. Там кровь отчизны льется,
И потому сильнее и страшней
Нам здесь крушить фашистов остается,
Чтоб встретиться потом скорее с ней.
Ты, Греция, красива без сомненья,
История твоя ушла в века.
Но Дагестана горные селенья
Все чаще снятся. Бурная река,
Кизила ветви пламенно краснеют,
Нарын-Кала пезыблемо стоит...
Я здесь сейчас, но мысленно я с нею,
С моей страной, что силы мне дарит,
Нас было семеро. Мы все домой вернулись,
И Каспий встретил теплою волной.
И слезы счастья жарко навернулись
У шестерых, вернувшихся со мной,
И у меня. Вот так все это было.
С тех пор немалый срок меж этим лег.
И в честь друзей, с кем горе породнило,
Не написать об этом я не мог.

1985 г.

Посвящаю великому хирургу-ортопеду

ГАВРИЛУ ИЛИЗАРОВУ

I

В том голодном году, в Кусарах, в глинобитном домишке
Плач младенца слышался, радостен, звонок и мил.
В бедной татской семье улыбнулись рождению мальчишки,
Дали гордое древнее имя ему — Гавриил.
Каждый мальчик в семье от рождения сыном зовется, —
Но не каждому сыном народа прослыть суждено:
Всем на свете какое-то доброе имя дается,
Но не всем свое имя оставить народу дано.
Разве знали родители, в люльке младенца качая,
Что с годами народ на руках его будет качать?
И звезда его ясная, в небе лукаво мигая,
Пожелала премудро об этом пока помолчать.
...По зеленым холмам ходит щуплый и смуглый подпасок,
Кроток с виду, задумчив он и молчалив.
В добрый путь, Гавриил!
Мир во всем изобилии красок
Пред тобою открыт.
Путь твой — долог, хотя и не крив.

II

Время мчится, как ветер по долу...
Совмещая учебу и труд,
Рос мальчишка. Окончил он школу,
В медицинский пошел институт.
Вот и первый больной на пороге!
Ну, а после — бессонная ночь:
«Все ли сделать сумел я в итоге?
Смог ли я человеку помочь?»
Так в далекой Сибири, в Домовке,
Сомневался, дерзал и творил,
Боль чужую деля без страховки,
Сын Кавказа, хирург Гавриил.

Верил он, что успех его будет
Счастьем многих, и шел он к тому.
А теперь и наука, и люди
Благодарны за чудо ему.
Безнадежно разбитые кости
Исцеляют упорство и труд, —
Так искусно из мелких осколков
Собирается древний сосуд.
Исконно утверждалось такое:
К каждой цели есть много дорог,
Только малое дело благое
Лучше ста утвердившихся догм.
Мало чем от других отличался
Городков зауральских Курган, —
Но сюда, к Илизарову мчатся
Нынче люди из множества стран...

III

От Кавказских хребтов до просторов Сибири
Ты с достоинством имя пронес, Гавриил,
И больной, и здоровый тебе поклоняются в мире, —
Ведь от боли одной человечество ты оградил!
Чтобы людям было идти к цели заветной,
Чтобы каждый осилил ему предназначенный путь,
Стражем счастья зовешься!
И службе твоей беззаветной
Поклонятся потомки и дело твое воспоют.
А сегодня с любовью твое прославляем мы имя.
Стало радостью нашей и гордостью нашей оно,
Потому что ты сердцем — всегда с земляками простыми,
Ты из тех, кому имя оставить народу дано!
На груди у тебя — ордена и медали, но разве
Есть на свете награда, достойная чувства Добра?!
...Как у нас говорится на мудром высоком Кавказе:

«Да продлится твоя золотая пора!»
Да продлится на право людей она!
И ни мгновенье
Пусть тебя, Гавриил, даже слава твоя не томит:
Тот, кто любит себя лишь — всегда обречен на забвенье.
Тот, кто любит людей, остается навечно с людьми!
...Я сложил эти строки, гордясь, у себя в Дагестане,
И вручил его голубю и проводил его в путь, —
Пусть оно от нас ода приветным посланьем станет
И дойдет до Кургана и ляжет бальзамом на грудь!

1988 г

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

I

Устали танки грохотать,
Швыряя в горизонт снаряды,
И ткань полей зеленых рвать
В кроваво-черные наряды.
И лихорадочный огонь
В стволах орудий захлебнулся,
И ошалевший в страхе конь
В воронку свежую метнулся.
Понуро пленные плелись,
Вперед сдавая генералов.
Кончалась фронтовая жизнь,
Дышать ей оставалось мало.
Оружья выросли стога
После смертельного покоса.
И больше не было врага —
Войны, явившейся без спроса.

II

Сегодня праздник!
Уничтожен враг.
Ценой тяжелой куплена победа.
И водрузивши над Рейхстагом флаг,
Солдаты к очагам родным едут.
По всей Европе рукоплещут им —
Сынам России, вырвавшим из плена
Свободу, что глотала черный дым
Фашистского концлагерного плена.
Теперь с надеждой каждая жена
И мать, и дочь что день — спешат к дороге,
И глядя на чужие ордена,
Своих солдат встречают на пороге.
И ничего, что те еще в пути.
Цветы и слезы достаются первым,

Кто до Победы поспешил дойти,
А что до слез — так то ожили нервы.

III

На Красной площади парад —
Затих последний бой.
Идут войска за рядом ряд.
По древней мостовой.
Еще вчера в чужих полях,
Испаханых войной,
Рвались надежды в пух и прах
На мирный путь домой.
И пусть от Родины вдали
Встречаю светлый час,
Я салютую с той земли,
Что приютила нас.
В горах Эллады навсегда
Простились мы с войной,
Здесь нас свела одна беда.
Теперь наш путь — домой.

IV

Сегодня вновь гремит салют:
Победе — сорок пять!
И вновь войне проклятья шлют,
Чтоб не пришла опять.
Цена свободы высока,
Бесценен наш покой —
Не высыхает слез река
Что в памяти людской.

Мердахай Авшолум.

ИЗ ИСТОРИИ ЖИЗНИ ТАТСКОГО НАРОДА

МЕРДАХАЙ АВШОЛУМ

(коротко о его жизни)

В Дербенте на улице Таги-заде, которую раньше называли Келе-куче (Большая улица), в основном жили таты — горские евреи. Рядом с этой улицей теснились землянки — маленькие, низенькие, глиняные дома. Когда-то из горных районов по разным причинам татские тухумы спустились на равнину, ближе к морю, и обосновались вокруг этой улицы, недалеко от которой еще зеленели поля и леса.

Местность эта располагалась между двумя крепостными стенами. А произошло это переселение, по рассказам старожилов, в XV—XVI веках.

Улицы тогда были узкими и кривыми, по которым совершенно невозможно было пройти зимой и весной. Район этот называли по-еврейски «Тенге-мэхэле», что значит узкие улицы или магалы. На улице Келе-куче, которая являлась центральной, жил легендарный герой среди тогдашних горских евреев Дагестана — Мердахай Авшолум «Сибири». Его прозвали «Сибири», потому что он первым в то время был сослан на каторгу в Сибирь.

Мердахай Авшолум был человеком высокого роста, плечистым, крепким, сильным и бесстрашным. Его хорошо знали в селениях близких к Дербенту. Он опекал тружеников, бедняков, сирот и вдов. Если хозяева виноградников или богатые купцы задерживали или вовсе не хотели платить рабочим, Мердахай непременно вмешивался и заставлял немедленно рассчитаться с людьми. Рабочие часто обращались к нему за помощью.

Мердахай Авшолум дружил с бондарем, татским поэтом Шоулом Симанду, который тогда был еще молод, но уже слагал стихи, го моря. Его мастерская была рядом с улицей Таги-заде, где неизвестные жителям Дербента от Нарын-кала до берега Каспийско-подалеку жил и Мердахай. Силач частенько посещал бондаря, чтобы послушать его стихи и рассказы, в которых было неравнодушное критическое отношение к жизни.

...Однажды городской полицейский стал издеваться над беззащитной вдовой из магала Тенге-мэхэле, думая, что это незаконно

сойдет ему с рук. Когда об этом узнал Мердахай Авшолум, то сердце его исполнилось праведным гневом, в порыве которого он расправился с обидчиком бедной вдовы. Вскоре после убийства полицейского его арестовали и, осудив, сослали на сибирскую каторгу.

Мердахай Авшолум был простым рабочим, бедным городским жителем, но по-геройски он боролся за честь и достоинство своего маленького народа, за рабочих и крестьян. Мердахай носил баранью папаху, опирался на посох и всегда имел при себе кинжал за поясом, что было известно всему Дербенту, где его называли гучи, т. е. боевой, смелый.

Когда Мердахая судили, на суде он читал стихи:

«В среду в суд меня повели
И свидетелей пригласили,
Прокурор меня слушать не стал,
Судьи к каторге приговорили...»

...Провожать своего земляка, друга и товарища на дербентский вокзал пришло множество горожан. Мердахай был окружен полицейскими, а руки и ноги его были закованы в кандалы. В тот момент, когда Мердахая стали заталкивать в вагон, чтобы с другими арестантами отправить на сибирскую каторгу, земляки замахали ему руками, громко крича: «Бог тебе поможет вернуться домой...»

Стоя в тамбуре, он читал стихи на прощанье:

«Говорит вам Мердахай,
Много съевший хлеба с солью,
Оказался я в беде
И с Нергиз моей прощаюсь.
Крепость на горе стоит...
Белокаменные стены
И ворота, и маяк,
С вами я навек прощаюсь».

Эти прощальные стихи его и ныне передаются из уст в уста дербентскими жителями. Прошло более ста двадцати лет, а земляки не забывают своего героя.

Мердахай Авшолум родился в 1846 году (приблизительно), прожил 75—77 лет. Умер в 1921-22 году. В Дербенте и поныне истории о нем передаются как легенды, а племянники и племянницы прославленного народного героя и сейчас еще живут и здравствуют в древнем городе.

ЛЕГЕНДЫ ПРОДОЛЖАЮТ ЖИТЬ

ДАВИД - КАЛА

П О Э М А

П О Э М Ы

Арена жизни, как большой майдан,
Для славных дел в ней срок любому дан,
Свой путь пройду, чтоб сделаться преданьем.
Коль хочешь быть известным на майдане.
Когда я беззаботен был и мал,
Я славную легенду услышал.
О ней поведала мне мать моя Истир,
Чтоб с малолетства постигал я мир.
Мир беспределен, сказывала мать,
Но люди рождены, чтобы страдать.
Они все ищут счастья и покоя
С тех пор, как вышли из ковчега Ноя.
Слеп тот народ, что не родил героя.
Один мудрец сильнее войск порою.
Но даже богатырь один бессилен,
А кто имеет множество друзей — всесилен.
— Так будь богат друзьями ты, сынок,
Чтоб победить врага любого мог, —
Меня учила с малолетства мать,
Чтоб мог себя и землю защищать.

Д А В И Д

Веков над миром протекло не мало,
Но все в Мюшгуре помнят аксакала —
Но до сих пор у татов знаменит —
В любой семье вам назовут его — Давид.
Давид был сыном крестьянина — тата,
Хоть был умен, но не был он богатым.
Провел он в странствиях все молодые лета,
Узнал ремесел разные секреты.
Запомнил сказки, притчи и заветы,
Народностей обычаи, приметы,
И лекарства искусством овладел.
Он не скучал среди обилья дел.

Красив и статен был Давид собою,
С курчавой седоватой головою,
С великолепной пышной бородой.
В манерах был учтив, в речах — простой.
Играл на сазе мастерски Давид,
Был как ашуг в округе знаменит.
А сколько помнил притчей разных, сказок,
Никто не смог их сосчитать ни разу!
Носил кинжал он на чуху всегда,
И был наездник ловкий хоть куда.
Глаза, как звезды яркие горели,
Когда на друга радостно смотрели.
Но если взгляд туманила печаль,
Он был холодным, как кинжала сталь,
И в час такой бывал неумолим,
Как истинный кавказский исполин.
Таких рождает горная страна,
Чтоб жизнь людей была защищена
Добром и силой против бед и зла,
Чтоб радостью наполнена была.
Но все утесы слишком высоки
И от земли широкой далеки,
А стрелы молний бьют всегда по ним,
И ливни хлещут по хребтам седым.
В часы, когда Давид бывал угрюм,
Чтобы развеять цепь тяжелых дум,
Он запрягал лихого скакуна
И мчался в даль, лишь пыль была видна.
Наездником он стал довольно рано,
Мальчишкой рос в горах Табасарана.
Здесь пас овец в ущельях и лугах,
И здесь учился подавлять свой страх.
Сюда и взрослым приходил Давид не раз,
Чтоб скрыть тоску от посторонних глаз.
Покой и величавость гор родных
Давали отдых от забот земных.

ПОД ИГОМ ХАНА

Со склонов гор как молодой скакун ручей
Несется вольно, он в горах ничей,
Но бег ручья всегда к долинам устремлен,
Здесь во владенья хана попадает он.

Все хану служит: люди и вода,
Чтоб процветал и богател всегда,
И был табасаранский хан всемогущ,
Зато народ был беден и бессиль.
Все отбирал у подданных владыка,
Не слушая ни стоны их, ни крика.
Он разорял народ свой, словно враг,
Его нукеры были злей собак.

В дома врывались, в двери не стучали,
И брали все, что в доме замечали,
А кто перечил слугам господина,
Тем тут же плетью обжигали спины.
Давида все в окрестных селах знали —
Визирем хана местного прозвали
За то, что даже хан его ценил,
И в ханский дом он званым часто был.
Нукеры ханские, чьи всем не милы речи,
И те Давиду кланялись при встрече:
Собаки верные определенно знают,
К кому хозяин их любовь питает.

Одним сокровищем владел Давид,
Хоть сам не молод был уже на вид, —
Дочь, юную красавицу, растит,
Лелеял и берег, что было сил.
Шушен была прекрасней, чем заря,
И люди восхищались ей не зря.
Гури — красавица, что встретишь лишь в раю,
Так звали девушку в родном краю,
Чиста, нежна, как горный ручеек,

Румяна и стройна, как колосок.
Был у нее жених Шумшун — под стать,
Красив, как бог, отважен, как вся рать
Шумшун табасаранкой был рожден,
Случилось, рано сиротой остался он,
Болезнь скосила и отца и мать,
Давид решил к себе ребенка взять.
Росли, как голуби в одном гнезде,
Шумшун всегда вдвоем с Шушен везде.
А повзрослев условились они,
Что лишь друг другу посвятят все дни.
Отец не мог любовь их не понять.
Однажды он решил детей позвать,
Наметив осенью счастливый свадьбы срок,
Их женихом — невестою нарек.
Счастливей не было в селенье молодых,
Все любовались, видя их двоих.
Но и на солнце напоздает тень.
Пришел в семью Давида хмурый день.
Привыкнув на добро платить обидой,
Хан вспомнил вдруг о дочери Давида:
— О красоте ее я много слышал.
Ты приведешь Шушен под эту крышу!
И до того как стать чужой женою,
Пусть ночь в постели проведет со мною.
И ты не вздумай в этом мне перечить,
Я делаю ей честь подобной встречей...
Давид после такого разговора
Был сам не свой. Как избежать позора?
Как деспота отвлечь от искушенья?
Как уберечь детей своих от мщенья...
Вопросов много. А ответ один:
Все будет так, как скажет господин.
По воле ханов всё творится в мире,
И горе поданным, кто не ужился в мире.

ЗАГОВОР

В селенье люди поднимались рано,
Преображая край Табасарана
Своим трудом в садах и на полях.
Но постоянно жил в сельчанах страх,
Что отберут весь урожай пукеры,
От жадности не знающие меры.
Готовые всегда застать врасплох,
Разграбить дом, пусть беден он и плох.
И вот собрались вместе аксакалы
Поговорить о том, как счастья мало
Для тех, кто спину гнет для хана век,
Забыв что сам такой же человек.
— Ну сколько можно нам терпеть тирана!
Он хуже ненасытного барана.
Все больше требует себе добра.
Чтоб не дожил он, деспот, до утра! —
Хулил Шуврут, один из старожилы,
Правителя с его ордой—дружиной
И убеждал сельчан собраться вместе,
И бросив земли, жить на новом месте.
Случалось, были беглецы и прежде,
Их след потерян был в лесном безбрежье.
Но люди знали, что без ханской воли
Куда отрадней становилась доля.
Беседа старших стихла на рассвете,
Решили разговор держать в секрете
И лишь с Давидом дело обсудить,
Чтоб знать, как дальше людям поступить
Давид, услыша речи аксакалов,
Стал молчалив, подобно горным скалам.
Сливалась мысль его с родной природой,
Он долго думал, как помочь народу.
Шевруту он сказал свое решение:
— Всем вместе надо покинуть селенье,
Покинем пашни, обжитые сакли...
Докеле силы наши не иссякли,

Трудиться будем только на себя,
Иначе нищетою нас истребят
Нукеры подлые и ненасытный хан.
Уйдем в леса! Велик наш Дагестан.
Побег готовить будем неспеша,
А чтоб никто не смог нам помешать,
Наш разговор останется в секрете,
Позднее все обсудим на совете...
Друзья рукопожатием скрепили
Свой договор и будто бы забыли
Его на время. Много было дел.
Давид себя в работе не жалел,
Успеть бы справиться все свои дела,
Пока весна тепла не принесла,
И в пашню не легло зерно опять,
Чтоб новым ханским урожаем стать
За это время надо выбрать место,
Где новому селу не будет тесно
И где укрыться можно от врагов
В безбрежной зелени густых лесов.

Прошло немного времени с той встречи,
Давид на годикае вновь под вечер.
Все аксакалы ждут, что он решит,
И он обрадовать сельчан спешит,
— Все станет так, как вы хотите, люди!
Тиран, властитель наш, наказан будет.
Когда узнает, он сойдет с ума,
Что опустели подданных дома.
Подумать только! Как в одно мгновенье
Наш хан лишится целого селенья.
Своих вассалов, живших тут весь век,
Пойвших землю из прохладных рек,
Кормивших травами хозяйские стада,
Не ведавших покоя никогда,
Не знавших благодарности за труд,
Дающих хану сытость и уют,

Вдохнуть от рабства наш пришел черед.
Ждет избавления давно народ.
Давид сказал, что к бегству все готово,
Пусть только старшие промолвят слово.
— Ты наш учитель и кунак, Давид.
Аллах тебя за все благословит.
Когда поможешь людям в избавленьи,
Мы все уйдем из этого селенья.
— Уйдем, уйдем, — твердили аксакалы. —
Таких, кто убежал уже немало,
Они теперь от деспота вдали,
Свободу и покой приобрели.
Итак, решили всех оповестить,
Чтоб к ночи скраб дорожный уложить.
А как сползет с вершин в долину тьма,
Покинут беглецы свои дома.
Давид сказал, что путь лежит в Мюшгур,
— Возьмем с собой овец, коров и кур,
Там сочные весенние луга,
Самурские лесные берега.
Мы заготовим много сена, дров,
Нам даст питание речной улов,
Расчистим лес под новые дома,
Благословит наш труд земля сама.
Все, что посеем в мягкий чернозем,
Плодами спелыми мы к осени возьмем.
Ну, а пока берите то, что есть,
Грузите на подводы, что не снести.
Друг другу помогите все собрать,
Нам предстоит далекий путь держать.
А всадникам—прикрытием идти,
Чтоб враг нас не застиг врасплох в пути.
Свою свободу будем защищать,
С оружием в руках врага встречать! —
Распоряженья все отдал Давид,
И вот уж в гости к хану он спешит.

ВО ДВОРЦЕ

Хан на тахте лежит и пьет вино,
А скука в плен его взяла давно,
Не зря он за Давидом днем послал,
Чтоб перед сном тот притчи рассказал.
Давид вошел с кинжалом и кнутом,
Так он всегда входил в хозяйский дом.
Изобразив радушие всем видом,
«Визирь» таил в душе своей обиды.
Хан, успокоенный покорностью вассала,
Не ожидал беды себе нимало,
Просил Давида сказку рассказать,
Чтобы потом приятно было спать.
Он, слушая, дремал в своих перинах.
Давид старательно искал причину,
Чтоб удалиться из дворца скорей
И там, в лесу, догнать своих друзей,
Хан, наконец, позволил удалиться.
Давид — на скакуна и к дому мчится.
Душа его, как птица, — над селом,
Все бьется в каждый неостывший дом.
Еще недавно здесь кипела жизнь,
И что ты на прощанье не скажи,
Не подберешь таких щемящих слов,
Чтоб описать осиротевший кров.
Прошел Давид во тьме по всем дворам,
Проверил, не остался ли кто там.
Но в саклях лишь дремала тишина.
И ночь справляла праздник свой одна.
Следы повозок уводили в лес.
Давид на скакуна почти что влез,
Вдруг показалось кто-то запищал,
Прислушался Давид: малыш кричал:
И в крайний дом войдя, был удивлен:
Ребенка в люльке обнаружил он.
Как же случилось, что забыла мать

В поспешных сборах малыша забрать?!
Младенца подхватил он — и вперед!
Туда, где в будущее уходил народ,
Решивший сам себе в беде помочь.
Хранили тайну лес густой и ночь.

В ЛЕСАХ

Тем временем Шеврут всех торопил,
Чтоб шли быстрее, насколько хватит сил.
Тут над дорогой выплыла луна,
И колея теперь была видна.
Спешили люди, позабыв про сон,
Боялись, путь их будет прегражден.
Вдруг, как узнал намеренья их хан?
Нет, лучше умереть в бою от ран,
Чем голод, холод в собственном гнезде,
Чем знать, что дети проживут в нужде,
И рабской участи не минет их удел,
И унижений не придет предел.
Опомнилась встревоженная мать,
Что, уложивши в люльку сына спать,
Оставила младенца одного.
И проснется назад забрать его.
Но тут как раз и подоспел Давид,
Когда рыдала женщина навзрыд,
Он молча ей ребенка протянул,
Который на руках его уснул.
Присели люди отдохнуть в пути,
Ведь трудно по лесу во тьме идти,
Но надо ночь шагать им напролет,
Иначе утром стража их найдет.
Опять колонна движется вперед,
Уж ночь слабеет, утро настает.
Браслетов звездных меркнет серебро,
Заря дугою выгибает бровь,
Давид в раздумье всадников ведет.

А вдруг засада! Войско нападет!
И рукоять кинжала он сдавил:
«Мы будем биться сколько хватит сил!»
Но от мечты очувшись боевой,
Он оглядел свой изнуренный строй.
Светлело небо. Лес рассветный тих.
Он крикнул: — Братья! Вот свободы миг!
Хан далекого, нас не догонит он.
Наш лагерь будет лесом окружен.
Мы здесь построим крепость и дома,
Природа благосклонна к ним сама.
Синеет небо, словно бирюза,
А щедрый лес — гостей как будто звал,
В нем столько ягод, фруктов, разных трав,
Пригодных к блюдам в качестве приправ!
Теперь кормилец лес для нас и дом,
Здесь мы свободно, вольно заживем.
Но чтобы не настигла нас беда,
Мы крепость будем охранять всегда.

ДАВИД-КАЛА

Усевшись в мягких и пушистых мхах,
Качала мать младенца на руках,
И чтобы не склонило в сон саму,
Напела колыбельную ему:
«Ненем-нануй, ненем-нануй, баю, баю,
Пусть достанется мне, от невзгод постаревшей,
Пусть достанется мне, от забот поседевшей,
Горе, назначенное тебе! Ненум-пенуй,
Ненуй, ненам, баю, баю,
Пусть достанется мне, изнуренной заботой,
Пусть достанется мне, изможденной работой,
Горе назначенное тебе!
Ненем-нануй, ненем-нануй, баю, баю,
Пусть достанется мне, без кинжала убитой,
Пусть достанется мне, без нагайки побитой,

Горе, назначенное тебе!
Ненем-нануй, ненем-нануй, баю, баю,
Пусть достанется матери, счастья не знавшей,
Пусть достанется матери, зло испытавшей,
Горе назначенное тебе!
Ненем-нануй, ненем-нануй, баю, баю,
Пусть достанется матери многострадальной,
Пусть достанется матери, с детства печальной,
Горе назначенное тебе!»
А женщины возились у костра,
Еду варили с раннего утра,
И в глиняных пиалах и кувшинах
Снедь подносили детям и мужчинам
Мужчины лес валили для домишек,
Попутно запасли себе дровишек,
Сложили печки, поглядеть завидно,
Село назвали крепостью Давида.
У всех сельчан хлопот невпроворот.
Не попадет хинкал готовый в рот,
Пока не взмокнет на спине рубашка,
Чтоб хлеб взрастить и выкормить барашка.
Ведь все сначала людям начинать:
Расчистить поле, чернозем вскопать,
Зерно посеять, высадить рассаду.
К зиме холодной запастись надо.
В Мюшгуре были счастливы крестьяне:
Их крепость — рай на солнечной поляне
Среди лесов и двух прохладных рек.
Здесь стал хозяином свободы человек.

Мюшгурскую легенду помню с детства,
Ее, как мудрость получил в наследство,
Из века в век Давида прославляли,
Он спас народ от гнета и печали.
Теперь села того в помине нет,
Но память пронесла сквозь время свет.

Костров отчаянно пылающих чужбиной,
Сиротство греющих в лесных ложбинах.
Ушел народ, неволю позабыв,
Себе свободу вечную добыв,
Трудом создав цветущее селенье
Для счастья будущего поколенья.
Хизгил Давида первым описал,
Чтобы не только тат о нем узнал,
Пусть помнит каждый житель Дагестана
О сыне горного Табасарана.
Моя поэма — часть легенды древней.
Свободы дух в народе вечно дремлет,
Под гнетом власти он неистребим.
В дороге к счастью каждый одержим,

Примечания:

Кала — крепость.

Саз — народный музыкальный инструмент.

Чухо — верхняя мужская одежда.

ОТ АВТОРА:

Поэма «Давид-кала» написана по мотивам известной татской легенды «Визирь табасаранского хана». История Давида и его односельчан была близка мне, потому что она связана с историей моих предков прадедов — выходцев из селения Мюшгур. Родился в этом селении и я, хотя жил и рос в Дербенте, часто бывал в родном селении.

Впервые знаменитую легенду я услышал от своей матери. Позднее ее описал татский прозаик Хизигя Авшалумов, который также родился и вырос в Мюшгуре. Легенда эта имеет важное значение, как источник храбрости и свободолюбия казказского народа. Она показывает, что много веков предки — представители разных национальностей Дагестана жили одной дружной семьей, соединенной одной судьбой, работой, борьбой против ханов и беков.

Воспевая новый свободный край, который ожили мои предки, уйдя из-под власти жестокого хана, я не могу не вспомнить своих коллег, которые сделали это прежде меня. Одним из них был ашуг и сказитель Хизигя Эмин, оставивший нам такие впечатления.

«Я в молодость приехал из Мюшгура в Дербент, но каждую зиму проводил в своем селении. В это время мы рассказывали сказки, пели песни до самой полуночи. У селения Мюшгур знаменитая история. На этой красивой и плодородной земле все знают легенду о «Давид-Кала» и «Визире табасаранского хана».

Татский поэт Манувах Дадашев сказал о родном селе:

«Селение Мюшгур в душе я сохранию,
Как близкую любимую родню,
Там камни память прадедов хранят,
Его земля родная для меня».

Воспел этот край в своем стихотворении «Как красиво мое село Мюшгур» и Хизигя Авшалумов:

Речные косы и озер глаза
Синеют в бархате зеленых глаз
Под трели солнечных дубрав.
Красиво ты, селение Мюшгур,
Душа моя всегда в тебе, Мюшгур!
И где бы я не проводил свой час,
Здоровым ли, веселым ли, больным...
А память детства надо мной, как дым.
Красиво ты, селение Мюшгур,
Душа моя, всегда в тебе, Мюшгур!»

Сулейман Стальскіі.

СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ

п о э м а

I

Неожиданно весть
Облетела весь край,
И с печалью
Узнал Дагестан,
Что, покинувши близких,
Отправился в рай
Знаменитый ашуг
Сулейман.

Он страдал на земле
За себя и народ,
Знал — свободен и горд
Человек.
Потому и сегодня
В твореньях живет
Он, пришпоривший
Времени бег.
Я был молод,
Когда об ашуге узнал,
Потрясенный
Постигшей бедой,
Три куплета посмертных
О нем написал,
Слышал их
Лишь холодный прибор.

II

Ты верно, с рожденья
Всевышним помазан.
В те годы
Не знал Дагестан,
Что славою будет

Тебе он обязан
Народный поэт
По ты и на свет
Не успел появиться —
Удача умчалась
К другим
Она ведь порхает,
Как вольная птица
Над гордым Кавказом
Седым.

Отец твой и мать
Уже были в раздоре,
Когда почвился
Малыш.
Ею положили
В стцовском подворье.
Лишь птицы чиркали
С крыш.

Никто не спешил
Сироту в свою саклю
Внести
И роднею признать,
И лишь Аминат
Из соседнего дома
Взялась
Заменить ему мать.
Кормила, растила,
Учила адатам,
Жалела мальчишку,
Как мать.
Но узнал Сулейман,
Что их дом — небогатый
И надо семье
Помогать.

С тринадцати лет
Он отправился в город.

Работая.
Мир повидал.
Познав его знойность
И сырость, и холод...
Он первые строфы
Слагал.

Шел 37-й...
И ашуг знаменитый
Не раз прославлявший
Свой край,
Был вызван к паркому,
Чье имя забыто,
Поскольку он был
Негодяй.
— Ты знаешь Самурского?
Имя не ново.
О нем ты
Поэму писал, —
Сказал Сулейману
Начальник суровый, —
А он заговорщиком
Стал..

Ты должен
С высокой трибуны в столице
Прочсть о нем
Гневную речь,
Ко всем дагестанцам
В стихах обратиться:
Свой край
От врагов уберечь.

Но знал Сулейман:
Клевета не спасает,
И счастлив
Не будет народ,

Который героев
На казнь отправляет
И оды убийцам
Поет.

Когда на трибуну
Ввели Сулеймана
И ждали,
Что скажет ашуг,
Он только поздравил
Народ Дагестана,
Как искренний
Преданный друг.

Назавтра любой,
Открывая газету,
В ней грязную
Речь прочитал,
И имя ашуга
Под этим стояло,
Где в друге
Врага он признал.

Как громом в тот день
Поразило поэта,
В бессилье
Блеснула слеза.
Он слег от коварства
Чужого навета.
Закрылись навечно
Глаза.

История верно
Поступки рассудит
И всем по заслугам
Воздаст.
Но знаю одно —
Никакая природа
Из грязи
Талант не создаст.

Шоул—Симанду.
(1856—1939 гг.)
г. Дербент, Республика Дагестан

Ш Э С — Б О Б О

(1856—1939 гг.)

Дари людям добро и счастье,
И будешь счастливым сам.
Светлая память о тебе
Останется в народе.

Я. И.

В семилетнем возрасте Шоул Симанду, лишившись родителей, начал свою трудовую жизнь. В большой семье он был самым младшим ребенком. В ней росли четыре брата и три сестры. Жили они в маленьком тесном дворике, в саманном доме с низенькими потолками.

Прошло несколько лет, и в наследство Шоул получил часть небольшого дворика и комнату с нависающим потолком. Улица, на которой жила семья, называлась «Колодезная». На этой улице в приземистом домике, в глубине двора, снимали квартиру и мои родители. С 1918 по 1937 гг. здесь рос и я.

Шоул Симанду работал на богатых людей города, с юных лет находился среди народа, слушал и любил сам рассказывать предания, сказки, рассказы, а иногда читал свои стихи. Шоул в совершенстве владел азербайджанским языком, об этом свидетельствуют его стихи, которые были написаны на этом языке.

Шоул Симанду по профессии был бондарем и работал, не покладая рук до глубокой старости, чтобы заработать себе на жизнь. Его знали в Дербенте как прекрасного мастера своего дела и поэта. Его имя становится известным от Нарын-Кала до побережья Каспия.

Он написал много стихов, поэм, песен. Его песни пели на свадьбах, на торжественных встречах звучали его стихи, а иногда Шоул читал их сам. Поэт собрал все свои произведения в одной тетради, тщательно хранил их. Его приглашали с большим уважением на торжественные встречи.

Воспоминания о поэте опубликованы его сыном А. Симандуевым в татском альманахе в 1991 г. Шоул Симанду не печатался ни разу, но имя его и стихи известны в татской писательской среде.

1) Шэс-Бобо — псевдоним поэта Шоула Симанду.

По заказу редакции альманаха стихи Шоула Симанду были переведены с азербайджанского на татарский его сыном А. Симандуевым, впоследствии несколько стихов вошли в сборник «Мое время» в 1991 г.

Я взял на себя смелость написать несколько сонетов об известном талантливом писателе, прекрасном знатоке восточной литературы, о хорошем мастере Шоуле Симанду — Шэс-Бобо.

В сборник «Мой народ» (1993 г.) я включил небольшую поэму о нем, которая не удовлетворила меня. Я подумал, что этого недостаточно, ибо эта поэма не дает глубокой информации о талантливом поэте, который жил и творил в 19—20 веках в Дербенте. Хотелось бы, чтобы читатели были довольны сонетами и снисходительны к недостаткам.

МЫСЛИ ШЭС-БОБО

I.

Не делай людям плохо — это грех,
Не говори: «Мир для меня лишь создан».
И каждый день твори добро для всех
От света до темна, пока не поздно.

II.

И добрых дел, как мелочь, не считай,
Чем больше их, тем станешь ты богаче.
Но только вслух о них не поминай,
Ведь то, что скрыто в сердце, больше значит.

III.

Великодушен будь без суеты,
Не дай, Господь, под чьим-нибудь влияньем
Тебе обидеть ближнего, чтоб ты
Почувствовал под старость покаянье.
Вселенная бессмертна, как и Бог,
А человек лишь гость на свете этом,
Но если он творил добро, как мог,
То после смерти воссияет светом.

СОНЕТЫ

I.

С тех давних пор минуло много лет
Но помнят стены древнего Дербента
Келе куче, где татский жил поэт,
Хоть был всего лишь бондарем он бедным.

В семье Симона маленький Шоул
Уже седьмым ребенком был по счету,
Но долго не стихал веселья гул,
Хотя в семье прибавилось заботы.

Соседи и родные без конца
Гуськом спешили к глиняной хибарке,
Чтобы поздравить с радостью отца —
Их пожеланья были, как подарки.

Сквозь дымоход взмыл ввысь душевный жар,
И послан был младенцу Божий дар.

II.

Как летний сон, минули те года...
Родителей Шоул лишился рано.
Уже в семь лет он понял, что беда
Невидимые оставляет раны.

Не раз слезинки в голубых глазах
Сверкали в алом зареве восхода,
Когда он шел на «Эфэхле базар»,
Чтобы найти поденную работу.

И вскоре светлочубый мальчуган
Неплохо наловчился делать бочки.
Но в сердце, заглушив базарный гам,
Заветные уже рождались строчки.

Могучий Каспий только слышал их,
Когда Шоул читал свой первый стих.

III.

Летело время, как скакун в горах,
На чистом сердце делая зарубки.
И вскоре молот бондаря в руках
Казался легче перышка голубки.

И пот сверкал на солнце, как алмаз,
И чуб метался, как морская пена.
Кто с ранних лет трудился так не раз,
Тот и чужой работе знает цену.

А мысли устремлялись далеко:
За горы, за моря — в иные страны,
Как будто там свободно и легко
Живется всем, как равным среди равных,

И отступала внутренняя боль,
Когда перо брал в руки Шэс-Бобо.

IV

Он так писал, придвинув белый лист:
«Один уйдет. Другой придет. Поверьте.
Тот глуп и злобен. Этот сердцем чист.
И все ж никто на свете не бессмертен».

Мир вертится, как колесо арбы,
И справедливость, как мираж в пустыне.
Поэт не избежит своей судьбы,
Но раньше срока сердцем не остынет.

Ни Пушкина не знал, ни Низами
Дербентский бондарь с улочки саманной,
Но мастером он слыл между людьми,
И дар его был схож с небесной манной.

Когда любимой он слагал стихи.
Смолкали за окошками шаги.

V

Из тьмы веков, далекая, как миф,
Являлась ночью татскому поэту
Прекрасная, как юность, Суламифь,
Его любовью искренней согрета.

И Тэхди-Сулейманз — великий царь,
Из солнечной земли обетованной
Сквозь три тысячелетия, как встарь,
На зов любви спешил к своей желанной.

Цвели стихи Шоула, как сады,
Благоуханно розовым и белым,
Сгибали ветки сладкие плоды,
Стекая в землю соком переспелым.

Но сад любви отцвел в урочный час,
И радость догорела, как свеча.

VI.

Дни для Шоула стали так тесны,
Как для ребенка старая одежда.
И от забот спасали только сны,
В которых еще теплилась надежда.

Но жизнь, как груз омбала за спиной,
Чем дальше ты идешь, тем тяжелее...
И строчки под мозолистой рукой
С годами на бумаге все чернее.

Но вновь выводит чистое перо:
«Сыны Адама терпеливы будьте.
Цените труд и делайте добро,
И праздники не превращайте в будни».

Страдая, прятал слезы Шэс-Бобо,
И наяву их видел только Бог.

VII.

Колодец был на улочке кривой,
Где мастерская бондаря стояла.
И пламя свечки позднею порой,
Как мотылек над пестиком, дрожало.

Здесь созданы «Гулен» и «Зарбоил»,
И «Элеф-Би»,⁵ и многое другое..
Здесь татский мастер некогда творил,
Любовь к своей стране и славным предкам,

Усталости не зная и покоя.
Он завещал народу мизрэхи⁶
Оставив, как наследие, стихи,
Где каждый образ, будто камень редкий.

Сто лет назад написаны слова,
А правда в них по-прежнему жива.

VIII.

Пророков много было на земле,
Но было бы больше во сто крат героев,
Что провели всю жизнь свою в седле
И умирали вскачь на поле боя.

Один из них полмира покорил,
Но даже высших тайн сумев коснуться,
Не смог он шлемом вычерпать весь Нил
И не сумел в родной Юнан⁷ вернуться.

Господь решит, кто сложен, а кто прост,
Кто плох, а кто рассудит честно.
И расстоянье от Луны до звезд
Всевышнему доподлинно известно.

Так философски рассуждал поэт,
Законов жизни постигая свет.

IX.

На татском и турецком языках
Написаны нетленные страницы.
Так молоток у бондаря в руках,
Преобразившись, стал пером жар-птицы.

Никто теперь не в силах объяснить
То, исподволь свершившееся чудо,
Связать меж прошлым и грядущим нить
И примирить холодный разум с чувством.

С тех пор прошло лет семьдесят уже,
Как я впервые увидал поэта...
Мальчишкой, восхищаясь им в душе,
Не знал, что напишу о нем сонеты.

Как горек был тот день, когда шоиръ
С достоинством покинул этот мир.

X.

Бессмертны только добрые слова,
А злые зарастут травой забвенья.
Его стихи народная молва
Несет из поколения в поколение.

Пусть жизнь поэта не была сладка,
Зато, как майский мед, его созвучья,
Где дружба прославляется в веках
На древнем языке моем певучем.

О, Шэс-Бобо, ты бондарь и шоир!
В одном лице ты труженик и мастер.
И на таких как ты, стоит наш мир,
Оберегая землю от несчастья.

Покуда жив наш маленький народ,
Твой след в душе его не зарастет.

1Келе-куче — Большая улица — ныне улица Таги-заде. С XV—XVI веков на этой улице в основном жили и живут сейчас таты — горские евреи.

2Эфэхле базар — место, где искали работу. Своеобразная биржа труда.

3Тэхди-Сулейман — так поэт обращался к мудрому еврейскому царю Соломоу.

4Омбал — грузчик на персидском языке.

5«Гулен», «Зарбоил», «Элеф-Би» — названия произведений поэта.

6Мизрэхи — на иврѣте — восточные, кавказские народы.

7Юнан — Греция на восточных языках. Здесь имеется ввиду Александр Македонский и его завоевательный поход в Египет.

8Шоир — поэт на татском языке.

КЛЮЧ

I.

Как людские души непохожи:
Та ясна, а эта вот темна,
Под зменною пятнистою кожей
Прячет жало острое она.

А бывает серою иная,
Не видна ни другу, ни врагу,
Юркнет, словно мышка полевая,
Спрячется то в травах, то в снегу.

Тут душа от злости поржавела,
Ну, а там, как вишня, расцвела,
Нарядилась в розовое с белым,
Как невеста, девственно-светла.

Та душа по-ангельски прекрасна,
Эта же по-дьявольски страшна...
Только ключ ищущу я к ним напрасно,
Слишком крепко дверь затворена.

Изнутри лишь двери отворяют,
А снаружи, даже не проси...
Столько тайн людских они скрывают,
Что узнать их, Боже упаси.

II.

Из щели товарного вагона,
Что ползет по греческой земле,
Мне видны обугленные склоны
И дома крестьянские во мгле.

Так уж суждено судьбою было —
Партизанить в этой стороне,

Где теперь друзей моих могилы,
Ибо на войне, как на войне.

А когда-то Искандер¹ могучий,
Воинов любимец и кумир,
Отправлялся с этой самой кручи
Смело завоевывать весь мир.

Возвратиться же на эти склоны
Было храбрецу не суждено,
Девушка прекрасная с поклоном
Поднесла к губам его вино.

Он ушел, отдавав царской власти,
Как и сын Давида Соломон.
Но, увы, принес ему несчастье
Чужеземки трепетной поклон².

«Здраво жил один, другой беспечно.
Первый беден был, второй богат.
Но никто из них не станет вечным».
Так писал когда-то мудрый тат.

Шэс-Бобо поэта называли
На дербентских улочках кривых
И в любом задымленном магале
Слышен был его певучий стих.

Может, потому в горах Эллады
Повторял его я наугад,
Прижимаясь к дулу автомата
В грозной темноте, как к брату брат.

И, наверное, со времен Адама
И во все иные времена
Продолжает длиться эта драма
И никак не кончится она.

И любой незримый взору атом,
Хоть представить страшно и на миг,
Может обернуться сущим адом,
Как Содомз, разрушить этот мир.

Боже, упаси нас от такого!
Правнуков Адама защити.
Если первым в мире было слово,
Это слово, «Господи, Прости».

Садака, раздам без сожаленья,
Что б беду от дома отвести,
Ибо с Вавилонского плененья
Страх перед чужбиною в груди.

Сия чаша рок мой не минула,
И в свои неполных двадцать лет
Под прицелом вражеского дула
Был я угнан в ненавистный плен.

На земле Эллады каменной
К партизанам вскоре я бежал,...
День и ночь отряд громил фашистов,
Двигаясь проворнее ужа.

Здесь, на славной родине Гомера,
Солнце я в лесах встречал не раз.
И в душе моей окрепла вера,
И надежды светоч не погас.

Здесь, среди оливковых деревьев,
После боя, сидя на земле.
Любовался я Эгеем, древним...
«Где же моя родина во мгле?»

Как я к ней стремился бесконечно!
Клеткою чужбина мне была,
И хотелось вырваться навстречу
Небёсам, расправив два крыла.

Как открыть мне душу, я не знаю,
Ведь потерял ключ давным-давно...
Каждый раз я новый подбираю,
А он не подходит все равно.

На войне погибнуть — это счастье.
Ну, а если плен тебя постиг,
То изгоем станешь ты для власти,
КГБ прилепит свой ярлык.

Сколько время три секретных буквы
Понапрасну мучили меня.
И порой казалось мне, как будто
Так я и не вышел из огня.

О, Нарын-Кала, но в чем я грешный?!
Может, в этих ранах на груди,
Что в ненастье ноют безутешно...
И молю я: «Господи, прости».

Град пойдет ли, гром ли разразится
В ожиданьи Страшного суда,
Верю я, тому лишь все простится,
Кто с Всевышним честен был всегда.

Радугой взойдет на небосклоне
Вечная гармония любви,
И в бессмертном мире обновленном
Воцарится мир между людьми.

1Искандер — Александр Македонский.

2По преданию Александр Македонский был отравлен своей невестой.

3Содом — библейский город был полностью разрушен.

4Садака — милостыня.

5Вавилонское плененье — в конце VII в. до н. э. вавилонские войска разгромили Иудейское царство, многие жители которого были уведены в Вавилон.

6Эгей — Эгейское море.

Нас было семеро.
Слева направо: Гулахмедов С., Шамилов Н., Татамов Т.,
Ильягуев Я., Амерханов М., Магомедов О., Алиев М.

СЫНЫ ДАГЕСТАНА

Товарищам—дагестанцам, однополчанам,
посвящается.

сонеты

I

Как разграничить нам добро и зло
И на земле и в каждом человеке,
Чтоб солнце справедливости взошло
И не погасло бы уже навеки.

Пускай предугадать нам не дано
Когда наступит время золотое,
Но будем мы стремиться все равно
К его приходу с чистою душою.

И коль не мы воздвигнем этот строй,
Потомки завершат святое дело
И на земле небесно-голубой
Его построят, будто город белый.

Но прежде, чем мечте заветной сбыться
Чистосердечным надобно родиться.

II

Лишь с чистою душою человек
Творить добро способен в мире этом
И радостно прожить свой долгий век,
Не изменяя дедовским заветам.

Сказал когда-то мудрый Рудаки
«Жизнь — это море!» Если хочешь плавать,
Корабль сооружай не из доски —
Из добрых дел, чтоб вышел он на славу.

Когда в наш край нагрянула война
Все дружно встали на его защиту
И верили, что выдюжит страна,
В которой справедливость не убита.

Ворвался враг, на чужое падкий —
Добро и зло сошлись в смертельной схватке.

III

Потомки, что родятся после нас
Рассудят наше время беспристрастно,
И по заслугам каждому воздаст
Грядущее, что мудро и прекрасно.

И вспомнятся суровые года:
Гром кананады, визг шальных снарядов
И тот, кто жизнь за родину отдал
В горах незабываемой Эллады.

Семь дагестанских храбрых сыновей
Бежали там из вражеского плена,
Где некогда могучий Прометей
Раздул огонь средь хаоса вселенной.

И клятву партизанский дал отряд
Сражаться и не отступать назад.

IV

Все семеро отважных храбрецов,
Не ведая сомненья и печали
Смотрели смерти каждый день в лицо,
Усталости совсем не замечая.

Однажды летом в поздний час почной
Они, почти что с голыми руками,
С фашистами вступили в смертный бой,
Сжав в кулаках свои зазубренные камни.

Был краток бой! Трусливый дрогнул враг
И побежал, оружие бросая,
И вслед ему победное «Ур-ра!»
Катилось с гор, на пятки наступая.

Эллада, ты запомнишь навсегда
Всех тех, кто отличился здесь тогда.

V

Омар, Асадулла и Магомед...
Лезгин ли, тат, даргинец или русский?...
Решил вам нынче посвятить поэт
Сонет свой вдохновенный и искусный.

Как будто дети матери одной,
Вы были неразлучны и как братья,
Друг друга провожая в смертный бой,
Вы заключили в крепкие объятья.

Хоть ваши изможденные тела
Лохмотья гимнастеров покрывали,
Но меж собой ни подлости, ни зла,
Ни мести, ни обмана вы не знали.

И были так друг с другом вы дружны,
Как Родины единственной сыны.

VI

Народная пословица гласит:
«Кто терпелив — достоин уваженья!»

Орлам свободным плен невыносим —
И пытки, и любые униженья.
Колючая преграда не страшна
Вольнолюбивым барсам Дагестана,

Не сдержит сердца смелого она
И разорвется поздно или рано.
Овчарки лают пусть до хрипоты,
И разрывают воздух автоматы,

Миную вражьи вышки и посты,
Торопятся советские солдаты.
И пусть синеющий морской простор
Откроется им вскоре из-за гор.

VII

Эллада — совершенная страна,
Прекрасная, как древняя богиня,
Ты хищниками поработана,
Которые хозяйничают ныне.

Немецкая слышна повсюду речь
«Зиг хайль!» — кричат солдаты в иступленьи,
Она нависла будто острый меч
Над Грецией, стоящей на коленях.

Эллада — ты похожа на вдову,
И грозовая туча черной шалью
Обвила непокорную главу,
Склоненную угрюмо и печально.

Но верю я, ты встанешь в полный рост
И головой дотянешься до звезд.

VIII

Как гром с Олимпа грянуло «Ура!»,
То партизаны ринулись в атаку
И долго еще слышалось в горах
Глухое эхо их смертельной драки.

И славный дагестанец из Ахты,
Асадулла по прозвищу «Отважный»,
Не раз крушил дороги и мосты
И подрывал объекты неоднократно.

Так смелый сокол горского народа
Как Байрон жизнь за Грецию отдал,
Остался недвижимым возле скал
Лежать навеки, павши за свободу.

На родине Эхила бранный прах
Был погребен, увы, в чужих горах.

IX

Рыдает мать в селении родном,
О сыне вспоминая ежечасно,
И день и ночь все думает о нем
Но ожидает весточки напрасно.

С вершин стремится к Каспию Самур,
Поля весенней зеленью сияют,
Но материнский лик суров и хмур,
Как будто бы гроза в разгаре мая.

Быть может не узнать ей никогда,
Что на земле героя Прометея
Горит пятиконечная звезда,
Над одиноким холмиком аллея.

Под ним, сложивши руки, как крыла,
Лежит ее орел Асадулла.

Х

Нет имени над холмиком немым
Лишь надпись: «Здесь лежит солдат советский»...
Но будем еще долго мы
Его считать солдатом неизвестным.

О, Афродита! Встань из пенных волн,
Поплачь над этим холмиком печальным,
Ведь здесь обрел приют последний тот,
Кто воевал за Грецию отчаянно.

О, громовержец Зевс, рукой взмахни
И молний огнедышащие стрелы
В грудь чужеземных варваров воткни,
Что вторглись в твои вечные пределы.

И пусть пятиконечная звезда,
Как орел сияет здесь всегда.

XI

Похоронив товарища, отряд
Фанерной отсалютовал звезде
И, праведным возмездием горя,
В ночной бесшумно скрылся темноте.

Их было семь, джигиты ведь они!
И командир Омар из Урахи
Воскликнул громко: «Братья, черт возьми!
Узнают нашу ненависть враги!»

И в ту же ночь они спустились с гор,
Напали на немецкий эшелон...
Здесь помнят старожилы до сих пор,
Как полыхал и днем и ночью он.

Летела к небу серая зола —
Был отомщен лезгин Асадулла.

XII

История как будто ожила
И прошлого картины оживила:
И снова кровь геройская текла,
Как некогда давно у Фермопилов.

Одни боролся против десяти
Эсесовцев от боя озверелых...
Уже у, командира на груди
Кровь от штыка, как звездочка алела.

Замедлил он на миг свои шаги,
Вцепившись крепко в ложе автомата,
И отчье селенье Урахи
Мельнуло пред его потухшим взглядом.

Молитвы не напрасны матерей —
Вернутся войны к земле своей!

XIII

Отряд разросся, словно снежный ком,
Летающей лани трепетной резвее,
И тот, кто слышал что-нибудь о нем,
Спешил вступить в ряды его скорее.

Даргинец, чех, поляк и тат
Здесь воевали дружную семью,
Любя друг друга так, как брата брат,
Делясь, как хлебом, собственной судьбою.

На родине Акрополя они
Боролись за свободу неустанно,
И не было надежнее родни
У горцев вдалеке от Дагестана.

И трепетал не раз скалистый край
От грома партизанского «Ур-ра!»

XIV

О, если б только мог ожить Гомер
Он написал бы снова «Иллиаду»
И славных партизан привел в пример:
Их подвиги, лишения и награды.

Воспел бы он суровые года
На родине героев и титанов,
Где вечно безымянная звезда
Горит и кровоточит, будто рана.

И струны сладкозвучные его
Прославили бы всех народов братство,
Которое дороже нам всего,
Как самое бесценное богатство.

Чтоб солнце справедливости взошло,
Как разграничить нам добро и зло.

1991 год.

В ГОРАХ ЭЛЛАДЫ

(отрывки из поэмы)

I

Я — сын Кавказа,
Знавший до войны
Лишь горный край
Родного Дагестана
Не ведавший красот
Чужой страны,
Вдруг стал Эллады
Древний партизан

Куда не заносила
Нас война
Жестоко отрывая
От отчизны,
И как судьбы —
На всех людей одна —
Не слышала
Мольбы и укоризны.

Давала только шанс не умереть,
И что не всем,
Кося прямой наводкой.
Из памяти военной
Не стереть,
Как смерть плясала
Дикую чечетку.

Не дав опомниться
Почти еще юнцом,
Узнавшим вдруг
Чадящий сумрак ада,
Война уподобляла
Нас отцам,
Седеющим в разлуке
Безотрадной

II

Проснулся день
На дальнем склоне,
И солнце,
Вытянув лучи,
Склонилось
В утреннем поклоне,
В Эгее
Светлый лик смочив.

И захотелось
Искупаться
В волнах
Лазоревой зари
И на лучах
Стрелой помчаться,
И над вершинами
Парить

Два парня,
Словно ураганом
Закинутые
В этот рай,
В судьбы зигзаге
Злом и странном
Искали путь
В свой отчий край.

Но не только
Илья и Сережа
Прославляли в боях
Дагестан,
В партизанских отрядах
Эллады
Воевали Омар,
Амирхан,
Магомед —
Все они — урахинцы,

Был Мехти
И Шамиль, и Султан...
Наши парни,
Сражаясь с врагами,
Укрепляли
Содружество стран.

Они печально
Вспоминали
О том, как где-то
Вдалеке
Их мамы
Плакали и ждали
Своих ребят с войны
В тоске.

Сергею было
Ровно двадцать
Когда был ранен,
В плен попал,
И прелесть
«Нового порядка»
Он там воочию
Увидал.

Илья контуженным
Был схвачен,
Плен стал
Дорогой через ад
Когда узнал —
Побег назначен
С друзьями —
Был, конечно, рад.
Позднее встретились

В отряде
Илья с Сергеем

Здесь, в горах,
Чтоб древней
Послужить Элладе
И победить
Плененья страх

III

В отряде греческих
Бойцов
Был Сантос
Командир,
Он, как Геракл,
На врагов
Страх жуткий
Наводил.
Высокий
С черной бородой
Он был красив,
Как бог

Своей отвагой
Молодой
Он мстил врагу
Как мог

С наганом
И кнутом в руке —
Знаком был
Всем в горах.
Он до войны
Учил детей.
...Теперь в отчизне
Враг
И Сантос
За собой увел
Тех, кто сражаться
Мог,

Где ждал связной,
И про солдат
Немецких
Сообщил.

Вот-вот на трех
Грузовиках
Проедет
Вражья рать
Решили партизаны
Их
В засаде
Поджидать.

Илья с гранатами
Залег,
Сергей —
За пулемет.
А на вершине,
У скалы,
Устроен
Камнемет.

Все партизаны начеку,
Ждут —
Сантос даст сигнал
И вот —
Машины вдоль реки
Разведчик
Увидал

«Огонь!»
Послышалось в лесу
И русское
«Ура!»
И взрыв гранаты
Известил,
Что действовать
Пора.

В среде врага
Переполох:
Не спрятаться
Нигде.
Строчит Сергея
Пулемет
По суше
И воде

Врагам не удалось
Бежать
От Сантоса
В ту ночь.
Собрав трофеи
У реки,
Ушли герои
Прочь.

V

Немцы Сантоса
Ищут повсюду,
Обещали награду
Тому,
Кто поможет
«Лесного бандита»
Поскорее упрятать
В тюрьму

Тот указ
Исходил из Аргоса,
Поджидал
Капитан Иоган
Только Сантос решил:
За угрозу
Станет пленником
Сам капитан.

VI

Небольшой городок
Побережья,
Как корабль
В океане ночном,
Погрузился во тьму
Безмятежно
И забылся
Тревожным он сном.

И священник
Из местной церквушки,
Помогая
Врага покорить,
Сделал так,
Что весь город без света
Оставался
Почти до зари

В полчаса
Захватив все объекты,
Представлявшие
Вражеский стан,
Добрались патриоты
До дома —
Штаб-квартиры,
Где жил капитан

«Одевайся!»
Сказал ему Сантос, —
Я ведь тот,
С кем ты встречи искал...
И ни слова
Не вымолвил немец,
Головой лишь
Слегка покачал.

Незаметно
Покинули город,
Углубляясь
В полночную тьму,
Снова в горы
Ушли партизаны.
Не настичь их врасплох
Никому.

Под горой
Шла вода
Кристально-чистая,
Блестела, как лучи солнца.
Откуда идет
И куда уходит
Кто бы мог узнать
Ее путь.

Напились партизаны, водой
Жажду свою
Утолили,
Если есть
Где-то
«Святая вода»
То здесь —
Есть она.

В легенде одной
Гласит, что в Элладе
Говорят так:
Давным-давно,
Прометей бывал
В этих местах,
Прилив сил давала
Ему эта «Святая вода».

Много было геройских
Поступков.
Был вселен как бог,
Человек
Обо всех
Отстоявших свободу,
Не забудет Эллада
Вовек.

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь и творчество поэта. Лазарь Амнров.	5
Дагестан. Перевод Н. Тузовой	8
Кавказ. Перевод Н. Тузовой.	9
Наш общий дом. Переводы Н. Тузовой	10
Наша дружба	11
Мой край	12
Что за время?	18
Россия зовет	14
Сокровенное. Перевод Анатолия Ильягуева	15
Исповедь пьяницы. Переводы Н. Тузовой.	16
Мой Дербент	17
Дочь Дербентская	19
Моей матери	19
Далеко от родины. Переводы М. Дугина	20
В годы войны	21
Солдат-радист. Перевод Н. Тузовой	22
Партизанская Залонго. Перевод М. Дугина	24
Не забудется. Перевод В. Волкова	25
Не спится памяти. Переводы Н. Тузовой	27
Сказитель Хизгия Эмин (Дадашев)	28
Зимние ночи в Мюшгуре (Нюгди)	30
Весенний костер	31
Космонавт Дагестана	33
Мечты поэта	34
Дедушка и внук	36
Нас было семеро. Перевод В. Брюховецкого.	39

Гавриилу Илизарову. Перевод М. Дугина	42
День победы. Перевод Н. Тузовой	44
Мердахай Авшолум. Перевод М. Ахмедовой	46

П О Э М Ы

Давид-Кала. Переводы Н. Тузовой	50
Судейман Стальский	64
ШЭС-БОБО. Переводы М. Ахмедовой	68
Ключ	77
Сыны Дагестана	82
В горах Эллады. (Отрывки из поэмы). Перевод Н. Тузовой	91

**Яков Ильягуевич
ИЛЬЯГУЁВ**

Сыны Дагестана

Редактор Э. Тыщенко.
Художник В. Агашкина.
Технический редактор Г. Чуприкова.
Корректор Г. Брыксина.

Сдано в набор 3.03.94. Подписано в печать 20.04.94 г.
Формат 70х94/32. Гарнитура Литературная.
РИП г. Махачкала, ул. Оскара, 15.
Изд. № 14.

Арендная типография № 6. Заказ 376. Тираж 5000.

